

францисканцев, и во всех делах своих, вплоть до мелочей домашней жизни, руководился их советами, считая, что они в каждом случае могут указать ему, как надо поступить. И вот случилось так, что жена этого дворянина, женщина, которая была очень красива и столь же добродетельна и скромна, родила ему сына, после чего любовь к ней ее мужа стала еще больше. Собираясь отпраздновать рождение сына, он послал за своим шурином. Когда же настало время садиться за ужин, в дом к нему явился монах-францисканец, имя которого я не стану называть, чтобы не позорить святой орден. Дворянин чрезвычайно обрадовался, увидев своего духовника, перед которым у него не могло быть никаких тайн. Поговорив с женой и с шурином, он усадил всех за ужин. Во время еды дворянин этот то и дело поглядывал на жену, которая была так хороша собой и привлекательна, что желания его воспламенились, и он стал приставать к монаху со следующими вопросами:

– Скажите, святой отец, верно ли, что спать с женой сразу же после родов, не выждав определенного срока, есть смертный грех?

Монах, которому сердце говорило совсем другое, сделал, однако, строгое лицо и гневно сказал:

– Разумеется, сын мой, я уверен, что это один из самых тяжких грехов, которые совершают люди женатые. Вспомним хотя бы, как Пресвятая дева Мария не хотела входить в храм до тех пор, пока не очистится после родов, а ведь ей не было нужды дожидаться этого дня. Неужели вы не можете отказать себе в столь незначительном удовольствии, если Пресвятая дева, только чтобы повиноваться закону, воздерживалась – не входила в храм божий, лишая себя этим самой большой радости. Кроме того, и врачи говорят, что такое общение крайне опасно для последующего потомства.

Услыхав эти слова, дворянин наш очень опечалился, ибо надеялся, что святой отец даст ему это разрешение однако ничего не сказал. Монах же, выпивший за ужином больше чем следовало вина, не сводил глаз с молодой женщины и подумал, что если бы он был на месте ее мужа, то ему не пришлось бы в голову испрашивать совета духовника, спать ему или нет в эту ночь со своей женою. И как пожар, разгоревшись, постепенно охватывает весь дом, так вожделение, которое три года жило скрытым в сердце францисканца, разгорелось в нем так, что он решил его сейчас же удовлетворить.

И когда все встали из-за стола, монах взял хозяина дома за руку и, подведя его к постели жены, сказал:

– Сын мой, зная, как вы и жена ваша любите друг друга и как, по причине молодости вашей, жар любви тревожит вашу плоть, я проникся сочувствием к вам обоим и хочу поэтому поведать вам одну тайну теологии. Дело в том, что закон, который очень строг к мужчинам невоздержанным, дает некоторые преимущества тем, у которых совесть чиста. Поэтому, сын мой, если я в присутствии домочадцев ваших и распространялся о строгости закона, вам, как человеку скромному, я должен открыть и те льготы, которыми вы могли бы воспользоваться. Знайте, сын мой, что женщина женщине рознь, так же как и мужчина мужчине. Если жена ваша уже три недели как родила, то прежде всего необходимо узнать, прекратилось ли у нее кровотечение.

На это молодая женщина ответила, что все уже кончилось.

– В таком случае, сын мой, – сказал монах, – вы можете спокойно спать с ней, но для этого вы должны выполнить два условия.

Дворянин охотно на все согласился.

– Первое условие, – продолжал святой отец, – вы никому не должны об этом рассказывать и должны прийти к жене тайком; второе – вы должны явиться к ней не раньше чем в два часа пополуночи, чтобы проказы ваши не нарушили ей пищеварения.

Муж все это ему обещал и скрепил свое обещание клятвой, и так как монах знал его как человека хоть и не очень умного, но правдивого, он был уверен, что все это так и будет. Поговорив еще кое о чем, а затем благословив их и пожелав им спокойной ночи, монах удалился в отведенную ему комнату. Уходя, он взял хозяина дома за руку и сказал:

– Я надеюсь, сын мой, что вы придете и не заставите бедняжку вас ждать понапрасну.

Поцеловав жену, дворянин сказал ей:

– Дорогая моя, не запирай, пожалуйста сегодня дверь.

Слова эти святой отец хорошо запомнил. Вскоре все разошлись по своим комнатам. Однако, оставшись один, монах не мог думать ни о сне, ни об отдыхе. Как только он заметил, что в доме